

Максимов В. А. Письмо в редакцию «Ижевской правды» // За марксистско-ленинскую историю Удмуртии. Ижевск, 1934. С. 81–86.

Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б) — энциклопедия культа личности Сталина // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 338–354.

Маслов Н. Н. Об утверждении идеологии сталинизма // История и сталинизм. М., 1989. С. 68–79.

О неисправимых историках и служебной роли краеведения // Урал. рабочий. 1929. 4 апр. *Партийное строительство*. 1930. № 5. С. 52–57.

Пашкова И. А. Историческая наука в национальных районах Урала в 30-е гг. // История репрессий на Урале в годы советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 72–74.

Пикулева С. В. Богословский Павел Степанович // Урал. ист. энцикл. 2-е изд. Екатеринбург, 2000. С. 91.

Покровский М. П. М. О. Клер // Научно-техническая интеллигенция Урала в 20-е — 30-е гг.: дела и судьбы. Екатеринбург, 1993. С. 45–52.

Попов Н. Н. Быстрых Федор Павлович // Историки Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2003. С. 61.

Сергеев С., Бубнов Н. Против вульгаризации и упрощенчества в освещении истории проблем Урало-Кузнецкого комбината // Урал. коммунист. 1932. № 6. С. 62–78.

Тагильцева Н. Н. Репрессии против членов краеведческих обществ Урала в конце 20-х — 30-е гг. // История репрессий на Урале в годы советской власти : тез. науч. конф., 25–26 октября 1994 г. Екатеринбург, 1994. С. 95–97.

Уральский коммунист. 1931. № 16. С. 17–25.

Таняев А. П. Письмо в редакцию // Урал. коммунист. 1932. № 8. С. 42–45.

ЦДООСО. Ф. 129. Ф. 221.

Статья поступила в редакцию 20.04.2012 г.

УДК 369.011(470.5) + 641(470.5) + 94(470)“19”

С. А. Нефедов

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ: ПИТАНИЕ УРАЛЬЦЕВ*

Анализируется динамика потребления продуктов питания в Уральском регионе в 1924–1940 гг. Используются новые архивные материалы, на основании которых делается вывод о снижении уровня питания в этот период.

Ключевые слова: уровень потребления; уровень жизни; продукты питания; Урал.

Среди историков нет единого мнения по вопросу о том, как жили люди при Сталине, и в частности как они питались: хуже или лучше, чем при НЭПе? Исследователи, работавшие в 1930–1950-е гг., старались доказать наличие к концу 1930-х гг. позитивных сдвигов в потреблении по сравнению с периодом

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-УРАЛ 11-11-66003 а/У и программы фундаментальных исследований УрО РАН «Урал в контексте российской модернизации».

НЭПа и с дореволюционным временем [см., например: Маркус; Саутин; Тулупников]. В 1960—1980-е гг. отношение к изучаемой проблеме стало более объективным, но в целом специалисты полагали, что в конце 1930-х гг. уровень жизни был более высоким, чем в 1920-е гг. Этой точки зрения придерживались авторы многотомных «Историй» [см.: История советского крестьянства...; История советского рабочего класса...] и авторы большинства специальных исследований [см.: Вылцан, 1970; 1978; Иванова; Корнилов; и др.]. При этом данные бюджетных исследований использовались учеными советского периода лишь выборочно [см., в частности: Маркус; Тулупников].

В постсоветский период в работах многих авторов была вскрыта драматическая картина кризиса 1930—1933 гг., однако исследований, посвященных уровню потребления во второй половине 1930-х гг., было немного. Е. А. Осокина дает сопоставление бюджетных данных о потреблении продуктов питания рабочими в 1926 г. и 1933—1935 гг. [см.: Осокина, с. 256]. Эти данные показывают, что потребление мяса резко уменьшилось, а потребление хлеба сильно колебалось по годам, но в целом Е. А. Осокина делает вывод о уменьшении потребления. Этот вывод поддерживают некоторые другие исследователи, в том числе Ю. М. Иванов [1998; 2005]. В то же время Н. Р. Корвин и С. П. Стеблев отмечают, что к концу 1930-х гг. уровень материального благосостояния трудящихся повысился и достиг уровня 1928 г. [см.: Корвин; Стеблев]. При этом нужно отметить, что данные, которыми оперируют современные исследователи, как и в прежние времена, имеют выборочный характер; ни в одной работе не приводятся усредненные показатели душевого потребления продуктов питания в 1937—1940 гг. по сравнению с периодом 1924—1928 гг. А. В. Молодчик отмечает, что «далеко не все авторы учитывают многомерность исторического процесса, чаще занимаются поиском виновных, а не объективным анализом социально-экономической действительности» [Молодчик, с. 18].

В целом, в современный период в российской историографии произошел переход от «оптимистической» к «пессимистической» точке зрения на динамику потребления после кризиса 1930—1933 гг. В зарубежной историографии (как это ни странно) происходит прямо противоположный процесс. До конца 1990-х гг. на Западе преобладало мнение о том, что уровень потребления в СССР в конце 1930-х гг. был ниже, чем в период НЭПа [см., например: Bergson; Шарпан; Мерль]. Наиболее подробная работа о жизни российской деревни после коллективизации, принадлежащая перу Ш. Фицпатрик, опубликована в США в 1994 г. [см.: Фицпатрик]. Американская исследовательница отмечает, что «трудно найти достоверные данные для сравнения уровня жизни на селе в 30-е и 20-е гг. В основном со всей очевидностью можно заключить, что еды и питья в деревне после коллективизации стало меньше» [Там же, с. 243]. Однако в подтверждение этой «очевидности» Ш. Фицпатрик ссылается лишь на данные М. А. Вылцана для 1923/24 и 1937 гг., которые сам М. А. Вылцан трактует как свидетельство роста потребления, если сравнение данных за единичные годы вообще может о чем-то говорить [см. подробнее: Фицпатрик, с. 149; Вылцан, 1978, с. 200—208].

В конце XX — начале XXI в. появились новые работы западных авторов, которые пересматривали прежние взгляды на динамику потребления в СССР [Hunter, Szyrmer; Allen]. В частности, Роберт Аллен в своей последней работе дает оценку потребления продуктов питания, которая указывает на значительный рост потребления в конце 1930-х гг. по сравнению с периодом НЭПа [Allen, с. 135]. Р. Аллен использует балансовый метод, при котором потребление каждого продукта рассчитывается как валовая продукция за вычетом семян, фуража, экспорта и потерь при хранении. Получившийся результат переводится в калории с коэффициентами, отражающими специфику переработки и калорийность конечного продукта питания. Однако, как было показано автором этой статьи, в расчеты Р. Аллена вкралась ошибка, связанная с неверным подсчетом расходов на фураж [см. об этом: Нефедов].

Между тем существуют прямые данные об уровне потребления продуктов питания, которые делают излишним использование балансового метода. Центральное управление народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) при Госплане СССР проводило бюджетные обследования семей рабочих и колхозников, причем точность средних данных основывалась на методах математической статистики [см.: Струмилин, с. 26]. В соответствии с предъявляемыми этими методами требованиями каждый год обследовалось 16–17 тыс. хозяйств, распределенных по территории СССР согласно плотности населения различных областей [РГАЭ, ф. 1562, оп. 83, д. 1, л. 1]. Опираясь на результаты этих обследований, мы показали, что в целом по СССР потребление крестьян в конце 1930-х гг. по сравнению с эпохой НЭПа существенно уменьшилось. Потребление рабочих по калорийности осталось примерно на прежнем уровне, но качественно оно ухудшилось: в частности, потребление мяса сократилось в 1,5 раза [см.: Нефедов, с. 210–213]. Однако в разных регионах положение было, естественно, различным, поэтому в данной статье мы остановимся на динамике потребления продуктов питания на Урале.

В 1920-е гг. ЦСУ ориентировалось на данные обследований потребления продуктов питания, которые проводились в феврале и в ноябре. Данные за ноябрь завывают картину потребления крестьян, так как в ноябре идет забой скота; данные за февраль являются более репрезентативными. В 1930-е гг. ЦУНХУ использовало данные круглогодичных бюджетных обследований, и в бюллетене «Бюджеты колхозников» приводятся данные за каждый месяц. Чтобы данные были сопоставимыми, рассмотрим данные о потреблении продуктов питания с февраля 1924 г. по 1927 г. и за период 1937–1940 гг.

Для определения калорийности продуктов мы используем данные справочника ЦСУ «Нормальный состав пищи и пищевое значение продовольственных продуктов» [см.: Нормальный состав...] и данные ФАО [см.: FAOSTAT] (табл. 1).

Хлеб бывает разных сортов и разной калорийности, поэтому подсчет его калорийности может вызвать некоторые затруднения. Однако в 1930-е гг. на стандартном бланке итогов бюджетных обследований указывалось, что ржаной хлеб переводится в муку из соотношения 1 кг хлеба = 0,715 кг муки, пшеничный хлеб — из соотношения 1 кг хлеба = 0,785 кг муки [см.: РГАЭ, ф. 1562, оп. 15, д. 734, л. 1–60]. Отсюда получим, что калорийность ржаного хлеба равна

Т а б л и ц а 1

Калорийность продуктов, принимаемая при расчете потребления

Продукты	Калорийность, ккал/кг	Продукты	Калорийность, ккал/кг
Мука ржаная	2955	Мясо в среднем	1742
Мука пшеничная	3285	Сало	6470
Крупа и бобовые	3378	Рыба в среднем	860
Картофель	670	Молоко цельное	635
Овощи	204	Молоко снятое	370
Сахар	3875	Сметана	2482
Масло растительное	8517	Масло коровье	7795
Бахчевые	200	Фрукты	560

Источник: [Нормальный состав..., с. 33–44; FAOSTAT]. Курсивом выделены данные ФАО.

2113 ккал, пшеничного хлеба — 2579 ккал. Это немного больше, чем величины калорийности, используемые статистиками 1920-х гг. [см.: Нормальный состав пищи..., с. 40], но мы вынуждены использовать эти значения, так как они подразумеваются коэффициентами перевода хлеба в муку, применявшимися в 1930-е гг. Кроме того, статистики 1920-х г., по-видимому, несколько занижали калорийность картофеля: они полагали, что потери равнялись 25 % общей массы, в то время как крестьяне часто варили картофель в «мундире», и потери были меньшими, поэтому мы используем при подсчетах более современные данные ФАО. Небольшое превышение используемых нами значений калорийности хлеба и картофеля по сравнению с величинами, использовавшимися ЦСУ в 1920-е гг., приводит к тому, что при пересчете калорийности пищевых наборов 1920-х гг. по нашей методике мы получим немного большие цифры, выше тех, которые указывались статистиками 1920-х гг.

Кроме того, статистики 1920–1930-х гг. использовали несколько различающуюся номенклатуру продуктов. Мы подсчитываем калорийность наборов по исходной номенклатуре, приведенной в источниках. Однако, чтобы сделать сравнимыми сами продуктовые наборы, необходимо привести их к единой форме. В 1920-е гг. отдельно указывали потребление хлеба пшеничного, хлеба ржаного и муки, а в 1930-е гг. объединяли эти продукты в графе «Мука и хлеб в переводе на муку». Чтобы сделать эти величины сопоставимыми, мы переводим хлеб в муку согласно указанным выше коэффициентам, добавляем крупу и приводим все хлебные продукты к одной графе: «Мука и крупа». В 1920-е гг. использовалась также графа «Молоко», а 1930-е гг. номенклатура была более подробной: «Молоко цельное», «Молоко снятое», «Творог и сыр», «Сметана и сливки». Учитывая, что три последние группы продуктов получаются при сепарации цельного молока, мы суммируем графы «Молоко цельное» и «Молоко снятое», приводя все к единой графе «Молоко». Нужно учесть также, что данные 1920-х гг. приводятся для Уральской области, а данные 1930-х гг. — для Свердловской области, которая выделилась из Уральской в 1934 г. (табл. 2).

Таблица 2
*Потребление продуктов питания крестьянами, калорийность и процент калорий животной происхождения
 (февраль 1924 — 1940)*

Продукты (в граммах на душу в день) и калорийность (ккал/день)	1924	1925	1926	1927	1937	1938	1939	1940	Средние показатели		
									1924—1927	1937—1940	1938—1940
Мука и крупа	674	644	660	636	462	694	698	629	653	621	674
Картофель	358	313	256	318	517	402	314	379	311	403	365
Овощи	93	85	70	59	148	198	59	65	77	117	107
Масло растительное	4,0	2,0	2,0	1,0	0,3	0,3	0,3	0,2	2,3	0,3	0,3
Масло коровье	8,0	8,0	8,0	7,0	1,5	1,7	3,3	1,0	7,8	1,9	2,0
Мясо и сало	82	155	176	186	95	44	106	120	150	91	90
Рыба	24	20	21	20	4	6	6	3	21	5	5
Молоко	277	333	327	305	193	189	197	197	311	194	194
Сахар, конфеты	2	6	13	13	11	15	22	4	9	13	14
Яйца	2,0	3,0	4,0	4,0	0,9	1,2	3,6	1,3	3,3	1,8	2,1
Калорийность в феврале	2861	2924	3001	2950	2170	2792	2882	2634	2934	2619	2769
Процент животных калорий	15	20	22	22	14	8	13	13	20	12	11
Калорийность годовая					2391	2789	2777	2592		2637	2719

Источники: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 327, л. 26, л. 25—34; оп. 82, д. 1а, л. 53—56, 251—252, 411—413, оп. 83, д. 1, л. 25—50; оп. 83, д. 2, л. 29—32; Уральское хозяйство..., вып. 4, с. 554—557].

Анализируя представленные в таблице материалы, можно прийти к выводу, что колхозники в конце 1930-х гг. питались существенно хуже, чем в период НЭПа. Общая калорийность питания уменьшилась на 10 %, причем это произошло за счет падения потребления продуктов животного происхождения. Потребление мяса и сала уменьшилось на 40 %, потребление молока — на 38 %; коровье масло стало деликатесом, его потребление снизилось в четыре раза. Потребление хлебных продуктов осталось на прежнем уровне, за исключением голодного 1937 г. Период 1924–1927 гг. по погодным условиям был относительно благополучным, но на 1930-е гг. приходится несколько засух, одна из которых выпала на 1936 г. Последствием этой тяжелой засухи был резкий продовольственный дефицит весны 1937 г.; в феврале этого года душевое потребление в Свердловской области упало до 2170 ккал. Если учесть, что рекомендованная ВОЗ минимальная норма среднечеловеческого потребления продовольствия составляет 2300–2400 ккал на человека в день [см.: Naiken], то нужно сделать вывод, что ситуация 1937 г. для большей части населения характеризовалась острым недоеданием. Население отчасти компенсировало нехватку хлеба увеличением потребления картофеля и овощей, которые выращивались в приусадебных хозяйствах. В последующие годы, когда положение с хлебом нормализовалось, потребление картофеля и овощей снизилось; эти продукты стали использоваться на корм скоту, вследствие чего увеличилось потребление мяса.

Ввиду необычно низкого потребления продуктов питания в феврале 1937 г. встает вопрос о том, насколько потребление в феврале характеризует годовое потребление. В табл. 2 для периода 1937–1940 гг. приведены величины среднего потребления в течение года, и можно видеть, что для 1937 г. среднее годовое потребление существенно выше, чем потребление в феврале, но для 1938–1940 гг. февральское потребление примерно равно среднегодовому.

Рассмотрим теперь вопрос о питании рабочих. В этом случае у нас имеются материалы о потреблении различных продуктов в ноябре 1925–1927 и 1937–1939 гг. (табл. 3). Так же как в предыдущем случае, сначала мы подсчитаем калорийность по исходным продуктовым наборам, а затем приведем их к единой форме.

Рассматривая данные табл. 3, можно констатировать, что калорийность питания рабочих семей увеличилась на 6 %. Это произошло за счет значительного увеличения потребления картофеля (на 37 %) и овощей (на 107 %). В то же время потребление мяса уменьшилось на 40 %, а потребление молока — вдвое. Качество питания ухудшилось: если в период НЭПа калории животного происхождения составляли 16 % общего количества калорий, то в конце 1930-х гг. — только 9,6%.

Таким образом, в качественном отношении питание крестьян и рабочих Урала в конце 1930-х гг. было хуже, чем эпоху НЭПа. В количественном отношении потребление крестьян уменьшилось, а потребление рабочих немного возросло. При этом в целом питательность рациона была существенно выше минимальной нормы потребления по критериям ВОЗ. В этом отношении положение на Урале было лучше, чем в среднем по СССР [см.: Нефедов, с. 210–213].

В сравнении с другими странами потребление в СССР оставалось на низком уровне (табл. 4).

Таблица 3

Потребление продуктов питания семьями рабочих, калорийность и процент калорий животного происхождения

Продукты (в граммах на душу в день) и калорийность, ккал/день	1925	1926	1927	1937	1938	1939	1925–1927	1937–1939
Мука и крупа	569	583	569	551	548	603	574	567
Картофель	238	293	252	414	347	314	261	358
Овощи	73	49	93	168	132	145	72	148
Масло растительное	2	2	2	2	2	4	2	3
Масло коровье	5	4	6	6	7	6	5	6
мясо и сало	124	125	133	47	67	113	127	76
Рыба	10	15	16	26	26	18	13	23
Молоко	201	186	209	110	121	71	198	101
Сахар, конфеты	26	27	33	41	42	42	29	42
Яйца	0,6	0,5	0,8	1,0	1,0	1,0	0,6	1,0
Калорийность	2485	2566	2584	2603	2601	2870	2545	2692
Процент животных калорий	16,0	15,4	16,6	7,6	8,9	12,3	16,0	9,6

Источник: [ГАРФ, ф. А374, оп. 21, д. 368. л. 59; д. 590, л. 23,23об, д. 593, л. 23, 23 об; Уральское хозяйство..., вып. 3, с. 198–200].

Таблица 4

Сравнительное потребление продуктов питания семьями рабочих

Продукты (в граммах на душу в день) и калорийность, ккал/день	Урал (1925–1927)	Урал (1937–1939)	США (1936)	Германия (1937)
Хлебные продукты	574	567	200	311
Картофель	261	358	244	435
Масло коровье	5	6	30	39
Мясо и сало	127	76	181	115
Молоко и молочные продукты	198	101	417	305
Сахар	29	42	99	52
Яйца (шт)	0,02	0,02	0,88	0,21
Калорийность	2545	2691	3200	3200

Источник: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 3, д. 715, л. 28; Sandgruber, S. 46; Food Consumption..., p. 146].

При этом нужно отметить, что в 1927–1937 гг. потребление в США уменьшилось с 3 460 до 3 200 ккал/день. Потребление в Германии по калорийности в этот период осталось примерно на том же уровне, но ухудшилось в каче-

ственном отношении: потребление мяса уменьшилось на 17 %, молока — на 21 % [см.: Franklin, p. 195].

Вылцан М. А. Завершающий этап создания колхозного строя (1935–1937). М., 1978. 263 с.

Вылцан М. А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938–1941). М., 1970. 200 с.

ГАРФ. Ф. А374 (ЦСУ РСФСР).

Иванов Ю. М. В сталинском «раю». М., 2005. 115 с.

Иванов Ю. М. Положение рабочих России в 20-х — начале 30-х годов // *Вопр. истории.* 1998. № 5. С. 28–43.

Иванова Т. М. Подъем благосостояния трудящихся города в годы второй пятилетки (на материалах промышленных центров РСФСР) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. 14 с.

История советского крестьянства : в 5 т. Т. 2. М., 1986. 448 с.

История советского рабочего класса : в 6 т. Т. 2. М., 1984. 511 с.

Корнилов Г. Е. Рост материального благосостояния колхозного крестьянства Урала накануне Великой Отечественной войны // *Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917–1985)*. Свердловск, 1988. С. 52–62.

Коровин Н. П. Некоторые вопросы социального развития рабочего класса СССР в годы второй пятилетки // *Проблемы социального развития советского общества*. Иваново, 1998. С. 82–88.

Маркус Б. Труд в социалистическом обществе. М., 1939. 307 с.

Мерль С. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе // *Отеч. история.* 1998. № 1. С. 97–117.

Молодчик А. В. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929–1953 гг. : дис. ... докт. ист. наук. М., 2004. 309 с.

Нефедов С. А. Изменение уровня потребления продуктов питания в результате коллективизации // *Вестн. Тамбов. ун-та.* 2011. № 6. С. 208–213.

Нормальный состав пищи и пищевое значение продовольственных продуктов // *Труды ЦСУ.* Т. 22, вып. 1. М., 1925. 162 с.

Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». М., 2008. 351 с.

РГАЭ. Ф. 1562 (ЦСУ СССР).

Саутин И. Подъем материального и культурного уровня трудящихся СССР // *Плановое хозяйство.* 1939. № 5. С. 7–17.

Стеблев Э. А. Экономика российской повседневности // *Российская повседневность 1921–1941 гг.* СПб., 1995. С. 117–119.

Струмилин С. Г. На плановом фронте, 1920–1930. М., 1958. 624 с.

Тулупников А. Н. Общественное хозяйство — основа зажиточности колхозников (бюджеты колхозников.). М., 1941. 142 с.

Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 3, 4. Свердловск, 1930.

Фицпатрик Ш. Сталинические крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня : пер. с англ. М., 2008. 422 с.

Allen R. Farm to Factory : a Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution. Princeton, 2003. 302 p.

Bergson A. The Real National Income of Soviet Russia since 1928. Cambridge, 1961. 472 p.

Chapman J. G. Real Wages in Soviet Russia since 1928. Cambridge, 1963. 395 p.

FAOSTAT [Electronic resource]. URL: faostat.fao.org/site/368/DesktopDefault.aspx?PageID=368#ancor (дата обращения: 10.02.2012).

Food Consumption in the United States. Miscellaneous Publication 550. Washington, 1944. 157 p.

Franklin H.L. Wartime Agriculture and Food Control in Germany // *Foreign Agriculture*. 1940. Vol. 4, April. P. 181–220.

Hunter H., Szyrmer J. M. Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1928–1940. Princeton: Princeton University Press, 1992. 339 p.

Naiken L. FAO Methodology for Estimating the Prevalence of Undernourishment [Electronic resource]. Rome, 2002. URL: www.fao.org. (дата обращения: 10.02.2012).

Sandgruber R. Ökonomie und Politik : österreichische Wirtschaftsgeschichte vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Wien, 1995. 669 S.

Статья поступила в редакцию 10.04.2012 г.

УДК 392.51 + 398 + 82-2

Ю. С. Подлубнова

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ИСТОЧНИКОВ
В ДРАМАТУРГИИ СТАЛИНСКОГО ВРЕМЕНИ
(ПО ПЬЕСЕ «УРАЛЬСКАЯ СВАДЬБА А. БАРАНОВА»)***

Рассматриваются механизмы создания и бытования советского фольклора (псевдофольклора), феномен советских театрализованных свадеб — образцов псевдофольклора, через которые советская идеология интегрировалась в народную культуру. Объясняются причины популярности театрализованных свадеб среди широких слоев населения СССР.

К л ю ч е в ы е с л о в а: псевдофольклор; советская драматургия; Урал; театрализованная свадьба.

После Первого всесоюзного съезда писателей 1934 г. и прозвучавшей на нем речи А. М. Горького, в которой советские литераторы были призваны собирать, обрабатывать фольклор и «учиться на нем» [см.: Горький, с. 676], устное народное творчество в СССР получило статус своеобразного «естественного идеала народной литературы» [Юстус, с. 71]. Соцреализм с его установкой на широкие народные массы сознательно вторгся в поле народной культуры, значительную часть которого составлял фольклор, и работал в тех формах и с тем содержанием, которые были привычны для потенциального читателя. Как пишет У. Юстус, с середины 1930-х гг. «фольклор оказался как бы изначально социалистической литературой» [Там же, с. 70]. Он был понятен и знаком массам, как правило, не имел конкретного автора, т. е. принадлежал всему народу (разделенному на национальности, но в перспективе социалистической утопии уже единому, советскому), был более прагматизирован и более широко востребован, чем обычная литература. Это все соответствовало заявленной на съезде соцреалистической эстетике, ориентированной на массовость, народность, а также партийность, которой в фольклоре в чистом виде пока еще

* Исследование подготовлено в рамках интеграционного проекта УрО—СО РАН «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».